

25 июл 1979

**Нам время не даром
дается,
Мы трудно и гордо
живем.
И слово трудом
достается,
И слава добыта трудом.
(Я. Смеляков).**

Осенью 1974 года мне довелось стоять у свежей могилы Василия Шукшина на Новодевичьем кладбище. Среди гранита и мрамора прежних захоронений она казалась лесной деревенской поляной, вся усыпанная поздними осенними цветами и особенно — кистями красной калины. Темные непрозрачные ягоды ее казались застывшими каплями крови. На одном из кладбищенских перекрестков стоял дежурный милиционер. Когда к нему подходили люди, он, еще не услышав вопроса, показывал рукой направление — как пройти к Шукшину. Видимо, уже привык в эти дни, что все спрашивали об одном.

А люди шли и шли. Кроме цветов, кроме кистей калины, на могильном холме было много записок, листочков, вырванных из школьных тетрадей, даже целых тетрадей, где читатели и зрители Василия Макаровича признавались ему в любви. Было столько трогательной нежности, печали, удивления и горечи в этих наспех набросанных строках! Потом уже я узнал, что в первые дни после смерти Шукшина на его квартиру, в комитет кинематографии пришло более 160000 писем. Это было поистине венок горючей всенародной признательности любимому художнику.

Какой яркой и краткой была его жизнь в искусстве! Как будто совсем недавно, в 1963 году, появилась его первая, скромно изданная книга «Сельские жители», и мы впервые познакомились на ее страницах с бабушкой Маланьей, которая никак не может составить телеграмму

Что чувствуешь прежде всего при встрече с истинным талантом? Радость узнавания. И удивление тебя охватывает, и глаза наполняются счастливой влагой, и губы сами невольно шепчут: да, да, так оно и бывает, вот оно — истинное, настоящее. И обстоятельства узна-

карство («Змеинный яд»), и Ивану Петину, от которого жена ушла и поступком своим подвигнула на сочинение обличительного рассказа («Раскас»), и Егору Прокудину, отчаянно идущему навстречу своей гибели («Калина красная»). Герои Шукшина порой неуклюжи, грубоваты, резки, вспыльчивы, но и простодушны, доверчивы, отзывчивы на доброе слово. Не умеют угодничать, в глаза заглядывать, из кожи лезть, чтобы урвать кусок пожирней. Жизнь сталкивает их, конечно, и с бюрократами, и с делягами, и с рвачами, в общем, с «энергичными людьми», но тогда и ведут они себя по-своему, по-шукшински — пусть не совсем корректно, с надрывом, с нервом — тут у них особый нравственный кодекс, с ним нужно считаться.

Сам автор (в рассказе «Кляуза»), лоб в лоб столкнувшись с непробиваемой железобетонной тупостью, не выдержав, восклицает: «Что с нами происходит?». И он же, втайне восхищаясь, пишет трогательный образ ветфельдшера Александра Козулина, который, услышав ночью по радио, что в Кейптауне пересадили человеку сердце, «дважды саданул из ружья в небо». В общем, отсалютовал. Таких вот людей (в житейском обиходе, бывает, называют их «странными») Шукшин любит нежной, немногословной и непоказной любовью.

У каждого художника есть мечта. Была такая мечта и у Шукшина — сыграть Степана Разина. Он написал сценарий «Я пришел дать

вам волю»; сценарий перекочевывал из одной инстанции в другую, шло время, и Шукшин успел из сценария сделать роман. Читаешь его — песня! Такой простор, воля, Волга, такой Степан непривычный, так в каждом движении его угадываешь точный скупой жест Шукшина.

А пока Шукшин соглашался сниматься у Бондарчука в картине «Они сражались за Родину». Образ шолоховского Лопухина близок и дорог ему. Но есть и еще одна причина (он поделился с Юрием Никулиным на съемках): «Я ведь почему еще к Бондарчуку пошел... Мне обязательно надо вникнуть во все детали массовых съемок... Мне это очень важно».

Символический смысл видится в том, что смерть настигла Василия Шукшина, когда он снимался в фильме «Они сражались за Родину». Каждым словом своей прозы, каждым кадром своих фильмов он сражался за светлую жизнь своей Родины, за нового человека, за щедрую его душу...

Вот, может быть, последние строки Шукшина. Он писал в издательство «Молодая гвардия», обращаясь к будущему своему читателю:

«Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понох табаку.

Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Э. ЯНВАРЕВ.

СЛОВО И СЛАВА ШУКШИНА К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

сыну, потому что хочется сказать так много, а телеграфный стиль этого не позволяет — да и не те времена, утверждает ее внук Шурка, чтобы чувства свои на людях выкладывать; и с шпорником Антипом Калачиковым, «бессловесная глубокая любовь всей жизни» которого — балалайка, и с его угрюмоватой женой Марфой, только к старости разглядевшей мужнин песенный талант, и с веселым шофером Пашкой Колокольниковым, который потом из рассказа шагнул на экран в картине «Живет такой парень», и еще со многими другими...

А потом появились один за другим сборники «Там, вдаль», «Земляки», «Характеры», «Беседы при ясной луне».

И поведение людей, и жесты их, и шутки, и слезы. И сила искусства в том еще, что сам-то ты, может быть, никогда в такие обстоятельства не попадал и не попадешь. Не гнались за тобой осатаневшие изголодавшиеся хищники («Волки»), и не валил ты лес на дальней делянке в тайге («Начальник») — что с того? Правду жизни всегда узнаешь безошибочно: разве нельзя узнать свое, сокровенное и в Андрее Болконском, в Фаусте и даже — в Дон-Кихоте?

Все она — волшебная сила искусства! Как сочувствуем мы шукшинским героям! Сочувствуем Максиму Вологитину, который все на свете готов прошибить, чтобы достать матери нужное ле-